

Н. П. Бесчастнов

В Петропавловском переулке

*Часть сборника
Москва: место встречи
(сборник)*

Николай Бесчастнов

В Петропавловском переулке

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бесчастнов Н. П.

В Петропавловском переулке / Н. П. Бесчастнов — «АСТ»,
2016

«...Наш дом со стороны переулка был двухэтажным, а со двора – трехэтажным. Наш балкон на третьем этаже выходил во двор совсем рядом с колокольней – казалось, что до нее можно достать рукой. Звонарем там работала пожилая женщина, которая звонила очень музыкально и как-то проникновенно. Ко мне она относилась уважительно – возможно, потому что в те годы я уже носил бороду таких же размеров, как и у мужчин, что служили в ее храме. Летом она уезжала к родственникам в деревню и колокола начинали звучать из рук вон плохо...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Николай Бесчастнов

В Петропавловском переулке

Петропавловский переулок внешне особенно не изменился со второй половины 1920-х годов. Он начинается от Хитровской площади и заканчивается у Яузского бульвара. Переулок очень короткий и «горбатый». На самой высокой части этого «горба» расположен один из красивейших древних храмов Москвы – храм Петра и Павла на Кулишках. Он чуть углублен в квартал от линии застройки и возникает перед путником как-то неожиданно, заставляя прохожего, идущего по неширокому тротуару, резко задрать голову в попытке его обозреть.

На правой стороне переулка церковное строение фланкируют два жилых дома. Наша квартира находилась в том доме, что начинается от площади. Дом довольно длинный и тянется как по Петропавловскому, так и по расположенному ниже Певческому (бывшему Астаховскому, а раньше Свиньину) переулку. На площадь он выходит тупым усеченным концом и в народе называется «утюг». Дом был построен в 1925 году на месте самых жутких притонов Хитровки – кабаков «Каторга» и «Сухой овраг», ярко описанных Гиляровским. Сюда Гиляровский водил своеобразные экскурсии, а в 1902 году привел К. Станиславского и В. Немировича-Данченко для поиска типажей к первой постановке в их театре пьесы Горького «На дне». Считается, что декорации третьего акта пьесы «срисованы» художником В. Симовым на Хитровке.

Когда мы переехали сюда в 1976 году, место сильно обезлюдело и стало цивильным, но какое-то напряжение устойчиво витало в воздухе при переходе площади на пути к метро «Китай-город». Приходилось резко ускорять шаг и как можно быстрее «нырять» в Подкокольный переулок. Видимо, сгусток поломанных человеческих судеб намертво въелся в камни наклонившегося в сторону Солянки, уже пустынного в «брежневское» время пространства. Помню, своими ощущениями от Хитровки я поделился со священником Петропавловского храма, с которым я часто раскланивался в переулке, и он со мной согласился. Но путь к метро еще был достаточно оживленным. Рядом же находились и совсем глухие места вроде Подкопаевского переулка – абсолютно заброшенного царства собак, от которых шарахались редкие богомолки. Туда мы старались не ходить без надобности.

Жить на Хитровке было интересно. Казалось, машина времени перенесла меня из времени, которое сегодня называют «годами застоя», в антураж героев Чехова.

Наш дом со стороны переулка был двухэтажным, а со двора – трехэтажным. Наш балкон на третьем этаже выходил во двор совсем рядом с колокольной – казалось, что до нее можно достать рукой. Звонарем там работала пожилая женщина, которая звонила очень музыкально и как-то проникновенно. Ко мне она относилась уважительно – возможно, потому что в те годы я уже носил бороду таких же размеров, как и у мужчин, что служили в ее храме. Летом она уезжала к родственникам в деревню и колокола начинали звучать из рук вон плохо.

Ниже по склону небольшого, но крутого оврага, идущего к Солянке, все было застроено бесконечными деревянными флигельками, сенями и крылечками, бессистемно возводившимися в конце XIX – начале XX века. Такие «сараяшки», ни на деревню, ни на город не похожие, любил изображать московский гравер-самоучка Иван Павлов. Во дворе нашего дома моя супруга – художник Алёна Дергилёва, активно работавшая в тот период в офорте, – выполнила несколько характерных композиций, считающихся сегодня одними из лучших по старой Москве.

В этом же овраге росли огромные деревья, густо заселенные воронами. Они жили здесь всегда. Вороны были настолько большими и умными, что дети, завидя их, переходили на шепот. Мы выставляли на балкон коляску со спящим сыном Петей, и однажды я застал на

кованных перилах огромного ворона, рассматривающего ребенка. Ворон лениво оттолкнулся от перил и как бы нехотя улетел. Позже меня успокоили местные старушки, что здешние вороны никогда не нападают на детей. Помню в нашей довольно большой кухне огромную чугунную ванну на ножках в виде львиных лап. Сын до трех лет свободно плавал в ней, и его подкармливали, не вставая из-за стола. Ванну кто-то затащил в квартиру сразу же после постройки дома – убежденным сторонникам коммунистической партии образца второй половины двадцатых годов она была не положена.

Когда сын немного подрос, они с другом Пашей повадились в церковную сторожку за водой для своих забав. Служки было хотели отругать шалунов, но, узнав, как их зовут, посчитали их брызганье водой хорошим знаменьем и разрешили им забегать когда захочется.

В конце шестидесятых – начале семидесятых годов переулки около Солянки стали заполняться художниками, и к нашему переезду в этом районе их обосновалось несколько десятков. Район превратился в один из московских монмартров, тихо живущих своей параллельной от официоза жизнью. Мастера кисти и карандаша стаскивали, в основном из-за любви к прекрасному, в свои святилища вынесенную старожилками резную мебель прошлых веков и тысячи мелких старорежимных вещей и вещиц в таком количестве, что многие мастерские постепенно превращались в немыслимые барахолки. В этих барахолках и происходило таинство рождения прекрасного, которое вдруг выплеснулось на выставках в виде «натюрмортов забытых вещей». Натюрморты были немного похожи на работы входившего в моду у нашей богемы итальянца Д. Моранди, но в нашем случае старые вещи «разбавлялись» вяленой рыбой, панцирями и клешнями крабов, ракушками и засушенными цветами из далеких краев. Никогда не забуду мастерскую московского графика Бориса Смертина в Подколокольном переулке, у которого таких покрытых чудовищными наростами пыли «сушенок» стояло и лежало многие сотни. Художники коллекционировали атрибуты времени, в котором они не жили, соединяя их в своих композициях с пережитыми в тех или иных краях личными ощущениями. Многочисленные странноватые натюрморты не получили достойного внимания в отечественном искусствоведении, а зря. Сегодня уже понятно, что это было не только формой отстранения от действительности, но и мучительной стадией нащупывания новых путей в искусстве. Живописцы и графики, совмещая обыденные предметы из разных времен, пытались узреть непосредственную красоту любой иной пластики, далекой от набивших оскомину композиций со строителями коммунизма. Конечно, эти поиски шли не только в «хитровских» мастерских, но именно в них работы смотрелись как-то по-особенному. Магия места давала о себе знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.